

МАРА ВЕРЕСЕНЬ

A full-page illustration for a book cover. In the center, a woman with long, wavy, reddish-brown hair and a serene expression stands on a stone balcony. She is wearing a long, flowing blue dress with long sleeves and a high collar. She holds a large, textured blue egg in her arms. Behind her stands a man with dark hair and a serious expression, wearing a dark, high-collared coat. He has large, dark, leathery wings with red veins extending from his back. The woman also has similar wings. In the background, a castle with multiple towers and spires is visible on a hill, surrounded by greenery. The sky is a warm, golden-yellow color, suggesting a sunset or sunrise. The overall style is a detailed, painterly illustration.

ХОТЕТЬ НЕ ВРЕДНО или НАСЛЕДНИК ДРАКОНА

Мара Вересень

Хотеть не вредно, или

Наследник для дракона

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69019255

SelfPub; 2023

Аннотация

Вышла замуж за дракона в сказочной стране? Осторожно, ведь однажды тебе придётся родить ему наследника. А как рожать, если там даже аспирин не придумали?! Жили-были долго и счастливо. А то, что дальше случилось, на сказку вообще не похоже... * * * – Мари-Энн, немедленно открой, мне **ОЧЕНЬ** надо! – Я не могу... У меня лапки! – Какие к темным лапки? Ты дракон, а не кот!

Содержание

Засада	4
Глава 1	19
Глава 2	34
Глава 3	48
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Мара Вересень

Хотеть не вредно, или

Наследник для дракона

Засада

У меня не было двух полосок. У меня была странная сыпь, изжога и все время хотелось рыдать. С последним я кое-как справлялась, первое бесконечно зудело, от второго я чувствовала себя драконом. Но два дракона в семье – это перебор. Пришлось пойти на крайние меры – в поликлинику.

В кабинет врача я ворвалась на последних секундах терпения, вклинившись со своим талоном в бесконечную вереницу простоспросителей, и с порога начала раздеваться, одновременно постанывая, наслаждаясь тем, как ткань рукавов, сползая, почесывает мои зудящие локти и плечи. Что-то брякнуло. Вынырнув из воротника, я оглянулась на шум. Просочившийся следом пожилой простоподписатель, подобрал с пола челюсть, очки и медкарту и юркнул обратно в коридор. Не знаю, чем он так впечатлился, моей сыпью или стонами, главное, вышел и перестал отвлекать.

– Доктор, не знаю, что это, но выглядит вот так! – плюхнулась на стул и предъявила товар грустному лицу в белом

халате.

Лицо озадачилось. С другой стороны сдвоенного стола протянулась лапка медсестрички, утащила мой талон и вернулась обратно в обозримую область с медкартой. Почему-то пачка кривовато проклеенных листков в затертой картонной обложке заинтересовала врача больше, чем мои локти, правый из которых уже сам собой ненавязчиво совершал чесательные движения о край стола.

– Вам нужно к гинекологу, – сказал врач.

– Доктор, в *том* месте у меня сыпи нет, у меня только на локтях, на плечах, на коленках и еще вот тут, на бедрах, – я встала со стула и, подергавшись, принялась задирасть узкую юбку.

– Не нужно, – остановили меня добрым уставшим голосом.

– Что значит не нужно? А показать?

– Гинекологу сначала покажете. У вас в этом году осмотр не пройден. Направо по коридору, кабинет 41, – монотонно проговорил врач и покосился на настенные часы, – еще успеете.

– А очередь? – беспомощно проблеяла я, просачиваясь макушкой обратно в воротник.

– Беременные без очереди.

– Так я не беременная.

– Ну, значит придете со своей сыпью завтра, – печально вздохнул доктор.

– Завтра я не могу, – тоже огорчилась я.

– Значит, скажете, что беременная. Направо, сорок первый. Следующего пригласите.

Анекдот. Вот так войдешь в кабинет к дерматологу, а выйдешь беременная, но второй раз я этот квест проходить не хотела, потому отправилась, куда послали, в надежде на скорое возвращение. И не вернулась. Потому что диагноз мне поставили верный.

Подождите, выходит, что я, когда рожу, буду Мать Драконов?! Засада.

А яйца у драконов большие? Они же ящеры! Супруг, когда дракон, с дом размером, и даже если теоретически драконьи самки помельче, я же не они! А вдруг меня разорвет? А гнездо? О чем я вообще думаю?..

Из остановившегося рядом такси высунулась голова, увенчанная шапкой кудрей как раз похожих на гнездо.

– Эй, красивая! Паехали!

– Я уже не красивая, я беременная, – душераздирающе вздохнув поделилась я.

– Э-э-э, – разочаровался таксист и укатил.

Подождала еще. Навигатор в телефоне упорно отказывался определять мое местоположение, что было весьма наглядно. Кто я и где мои тапки...

Набирала три цифры вызова такси три раза. Дважды попала в МЧС... А если ОНО там, внутри меня, огнем пыхнет? И никто мне не поможет... И-и-и... Соберись, тряпка.

Села. Еду.

Чтоб отвлечься, стала в окошко смотреть, но, как назло, попадалась то реклама богатырских яиц, то вывески с драконьими головами.

Вышла.

Наверное, впервые за все время моей жизни в этом доме я поднималась пешком на свой девятый этаж. И считала ступеньки. Ощущение было, что считала я их головой, причем еще до подъезда, потому что в нормальную голову при известии о беременности не станут лезть картинки из “В мире животных”, перемежаясь кадрами из “Чужого”.

Подребезжала ключом, вошла.

Сунула нос в щелку двери из прихожей. Вон он, вершина пищевой цепочки, развалился на диване, красивый, как античный бог, длинноногий стервь, бывший канцлер Казский Анатоль дор Лий, человек и дракон, а по совместительству – мой супруг. В руке планшет, на холеной физиономии кило сарказма, черная бровь вздернута, под тенью густых ресниц глаза убийственно изумрудного цвета. Мне отсюда не видно – просто знаю.

Наш медовый месяц длился уже почти что год, и мне до сих пор иногда не верилось, что вся эта несказанная красота – моя. А сейчас я перманентно в ужасе. Поэтому стою в прихожей и придумываю уже десятый вариант того, как скажу ему... Что я ему скажу? Анатоль, у меня будет яйцо?.. Даже истерика в истерике.

А почему, собственно... Моего драконистого супруга ведь как-то родили. Что ж тогда так страшно? Хорошо, что у нас вся эта волшебная дребедень почти не работает, на-воображала бы сейчас. Способность у меня такая – желать. Мир мне отзывается и выполняет, главное, сформулировать. А как тут сформулируешь, если вместо мыслей одни эмоции? Только бы не разрыдаться... Мне сейчас порыдать, что попить сходить.

– Войдешь или так и будешь там мяться? – Анатолий посмотрел в сторону прихожей поверх планшета и меня пронзило от макушки до пяток: подсвеченные монитором глаза были как... как... Как вообще можно быть таким красивым, когда мне так страшно!?

Я вздохнула. Дрожа коленками, нога за ногу сбросила туфли за порогом и просочилась в щель.

– Как твоя сыпь? – губы дрогнули, готовые вот-вот улыбнуться.

– Она в полном порядке, – заверила я, голос дал петуха, я впечатлилась, замолкла и присела на край дивана.

– Да? – засомневался Анатолий.

Я подползла поближе и положила голову на его согнутые в коленях ноги, чтоб было не так заметно, что подбородок дрожит.

– Я... Я теперь умру?

Скорбная слеза-таки протиснулась и повисла на ресницах.

– Что случилось?

Супруг отложил планшет и насторожился, а я задала вопрос, превративший часть моей обратной дороги из поликлиники в аттракцион ужаса:

– А какого размера драконье яйцо?

– Ты вообще о чем?

– Анатоль, – сдавленно проблеяла я, – я беременна.

Сорвавшаяся слеза не успела коснуться мужниного колена, потому что в следующую минуту он уже стоял, схватив меня за запястье, а другой рукой рисовал в воздухе дышащий морозом овал перехода.

– Анатоль?

– Мы возвращаемся в Казскию. Или ты умрешь.

Мне сейчас показалось, или у него голос дрогнул?

– Это шутка такая?

– Это такая правда.

Он обжег меня изумрудами, дернул на себя, прижал и шагнул в ледяную тьму.

* * *

– И-и-и-и, – выдала я, тряпочкой болтаясь в руках, и с энтузиазмом утопающего вцепилась в рубашку Анатоля, балансирующего на зубце башенной стены растопыренными крыльями версии лайт. Мои ноги ничего не чувствовали, потому что под ними ничего не было. А мне было. Очень страшно. Страшнее, чем быть беременной.

Рубашка, пропоротая раскрывшимися крыльями, с трес-

ком поползла по плечам, но меня уже поставили на твердое.

– Извини, – проговорил слегка сбледнувший Анатоль, – не учел, что нас теперь трое.

– Так нечаянно и родить можно, – выдохнула я.

– Рано, – сказал Анатоль и спрятал красивое. И очень зря.

Почти черные крылья с шипами на сгибах, плечи, едва прикрытые испорченной внезапной трансформацией рубашкой так, что все кубики видны... Прямо как на артах с порочными ангелами или сексапильными демонами.

Я восторженно поджала пальцы на ногах, на которых даже тапок не было. Полуобнаженная грудь Анатоля навевала на не слишком радостные мысли об отсутствии гардероба. Меня сюда доставили в чем из поликлиники пришла, а значит, опять фижмы с корсетами и дышать бояться? Твою налево...

Мы стояли на крыше самой старой башни замка герцогов дор Лий, который, как и эта башня, назывался Старое гнездо. Именно здесь находилась коллекция жутко древнющих и кошмарно уникальных книг и рукописей о меченых пламенем, таких как Анатоль.

Замок был последним оплотом цивилизации перед Пустырными землями, упирающимися в Завесу, или грань. Мы через нее пришли. Понятия не имею, что чувствует в процессе перемещения Анатоль, ни разу не спрашивала, но для меня это было будто проломить лицом тонкую, но вполне ощутимую ледяную корку, как в подмерзшую прорубь нырнуть. И я даже толком подумать не успела, что хорошо быть

драконом и теоретически не мерзнуть, как мы уже пришли.

– Тут вообще есть кто-нибудь живой? – опасливо поинтересовалась я, спускаясь вслед за супругом по узкой лестнице, которой, кажется, не пользовались со времен постройки постройки.

– Вот и посмотрим, – не слишком уверенно отозвался Анатоль.

Здесь, в Старом гнезде, сразу после нашей свадьбы, он сделал мне подарок – показал своего дракона. А до этого упирался и говорил, что приличный и что до свадьбы не показывает, при том, что брачная ночь у нас вообще без всякой надежды на эту свадьбу случилась.

– Куда идем мы с пятачком? – вполголоса напевала я, стараясь не касаться раритетной стены. – Большой, большой... облом.

Анатоль практически пинком вынес не желающую открываться заклинившую дверь. Просунув голову ему под руку, я в немом невесторге обзревала представшие виды.

Пыль оренбургским платком лежала везде, кроме того места, где стояли мы. То, что поднялось в воздух, неуклонно оседало обратно, и на нас в том числе. Я чихнула. Анатоль покосился на меня и, тоже пару раз чихнув на обстоятельства, решительно направился вперед.

Большая часть замка и раньше стояла закрытой, а в жилой половине слуги появлялись только с приездом одного из владельцев: Анатоля или его матери Серафин, старшей да-

мы королевского двора, перед которой я чутьочку благоговела, поскольку считала, что именно так должна выглядеть и вести себя настоящая леди. Мне до нее было как до Эвереста рукой.

Сейчас Старое гнездо оправдывало свое название как никогда, потому что еще НИКОГДА в нем не было так тихо, темно и паутинисто. Пока спускались, я вляпалась несколько раз, покрываясь мурашками от омерзения. Ну не люблю я этого, а еще, всяких мух и пикники в лесу, потому что там мухи и паутина. Только в замке теперь везде, как на пикнике. Вот ведь... дракон. Такую свинью мне подложил. И это не считая яйца.

– Мы все умрем, – сдавленно прокомментировала я, когда мы выбрались из коридора в холл.

– Не все и не сразу, – заявил Анатолий и, слегка позерствуя, щелчком зажег свечные фитильки свечей в стенных светильниках. Огненная волна промчалась по периметру и заключительным залпом вспыхнула в люстре наверху. Кажется, он сам такого эффекта не ожидал.

– Вангуеш? Или опять меня попугать решил?

– Пока не решил.

– Зачем тогда тащил меня сюда, не дав даже любимые тапки из-под дивана прихватить?

Вместо ответа он привлек меня к себе и уткнулся лбом в плечо.

– Анатолий, – шепотом позвала я.

– Чтобы у такого как я родился ребенок, нужно очень много везения и еще больше магии, – глухо заговорил супруг. – А в твоём мире магии почти не осталось. Пока срок небольшой и ребенок не может брать энергию у мира, он берет ее у матери. Ты тоже отмечена пламенем, поэтому смогла забеременеть, но этого мало. Плод станет расти и развиваться, требуя все больше, и в какой-то момент тебе нечего будет ему дать, ведь в твоём мире...

– Магии почти не осталось?

Он кивнул, не отрываясь от моего плеча, и сжал сильнее.

– Я даже надеяться не смел, что у нас получится. Мари-Энн... – Я вздрогнула, давно меня так не называли. – Ты же хочешь? Этого ребенка?

– Хочу, – отозвалась я, чувствуя, что вот-вот разревусь, – очень. Только я совсем не думала, что это случится так быстро.

– Мари-Энн, – Анатолий выпрямился и серьезно посмотрел прямо в глаза, – прости, что напугал, и... главное правило снова в работе. Желай осторожно. Поняла?

– Чего же не понять... Замок дор Лий – зона, свободная от желаний... – вздохнула я и потерлась носом о его грудь. – Что? Совсем-совсем никаких?

* * *

Временное пристанище мы организовали в одной из гостевых комнат на первом этаже, поближе к кухне. Я вполне

могла остаться там, но совершенно пустой замок космических по сравнению с квартирой масштабов в моем воображении сразу же обрастал призраками, шкафами, полными скелетов, провалами, кишасщими бездными тварями, и тоннами паутины. Стоило Анатолю выйти, все это добро в обязательном порядке копилось под дверью, и гаденько хихикая, начинало строить коварные планы.

Я мужественно боролась со страхами минуты две, а потом выперлась в коридор и принялась завывать, чтоб меня отсюда забрали, распугивая эхо своими унылыми руладами, пока спрятавшийся в нише Анатоль, давясь от смеха, не вышел на скорбный зов и великодушно не позволил мне изображать личное привидение, страшное, но симпатичное.

– Тебе не кажется странным, что тут совсем никого нет? – гнусом нудела я, шляясь за Анатодем по всему замку. Нос я зажимала пальцами, чтоб пылью не дышать, и мой голос звучал, как голос простуженного удава из мультфильма про попугаев. – Должен же кто-то быть. Управляющий, кладбищенский сторож, агроном...

– Агроном?

– Эти коридоры можно в аренду сдавать под посев. Такой слой пыли, того и гляди шай-хулуды заведутся... А что мы вообще делаем?

– Я проверяю печати охранного контура. Отсюда до завесы пару часов пути. А ты молча восхищаешься внутренним убранством замка и не придумываешь бездным тварям но-

вых имен, — отозвался Анатолий, уже с полминуты буравящий взглядом декоративное панно в торце коридора.

Мне стало немного печально, но он был прав и, чтобы не отвлекать, я занялась восхищениями. Разогнаться было особенно негде. Мы сейчас были возле каких-то мастерских по починке всего. Заглянув в одно из помещений, я обнаружила длинные столы, верстаки, точильные камни и напильники с зубилами, а также куски доспехов и прочие запчасти оборонного назначения. В углу, будто черепа в убежище образцового некроманта, грудой лежали шлемы. Сразу вспомнился бывший коллега и друг Вовыч. У него к доспехам особый интерес. Надо было хоть эсэмэску отправить, чтоб за квартирой приглядел.

А вернувшись в коридор, где уже никого не было...

Пыль вдоль стены вспухла быстро приближающимся горбом, а мои ноги примерзли к полу. "Я не боюсь, я не должен бояться. Ибо страх убивает разум..." Зачем я вообще это кино про дюны смотрела?... Серое облако взорвалось вверх, а в центре раскрывался лепестками... кисточками... Стойте. Какие кисточки?

— Да чтоб тебя мошь жрала так, как я сейчас вздохнуть не могу! — едва не облегчившись облегченно рявкнула я.

Присыпав меня вековой пылью и обвинив щиколотки теми самыми кисточками, случайное творение неизвестного казскийского ткача и моей когдатошней паники подобострастно тыкалось в ноги и выгибалось горбом, подставляя ром-

бики под хозяйскую руку. Это был он, боевой ковер-навигатор, лучший в мире шпион, проныра и кот. Имени ему никто не давал. А зачем, если он такой один. Совершенно эксклюзивный. За всеми этими нервами я напрочь забыла, что его оставили здесь, в замке дор Лий.

Очень вовремя он нашелся, потому что ориентирование в замках – моя суперспособность. Осталось Анатоля найти.

Коврик вывел меня в холл, отполз в уголок за диван, где я пристроилась посидеть, и принялся отряхиваться, подергивая кисточками, как вступивший в мокрое кошак. Я подумывала об обедах, которые тоже еще предстояло добывать самым черным трудом, как на массивных входных дверях ожил молоток. Мерзкий, чуть дребезжащий звук гонга прокатился по обширному холлу и замер вместе со мной. Я села сусликом, а ковер на кончиках кисточек посеял ко входу. Вряд ли он был в состоянии отпереть, поэтому пришлось и пойти и мне.

Никто не знал, что мы с Анатодем здесь, замок стоит пустой, откуда визитерам взяться?

Я честно подождала пару минут. Думаю, Анатоде мог услышать гонг и сейчас явится, поэтому взялась за заменявшее ручку кованое кольцо и потянула темную резную створку на себя.

– Марьяна! – изумленно воскликнул гость. – Ты что-ль опять воскресла?! Надолго?

– Надолго, княже, – радостно улыбалась я, глядя на этого

стареющего мужчину и его кудрявые каштаново-рыжие бакенбарды, делающие Айгера дон Стерж, князя Мезерера и моего отца в этом мире похожим на добродушного майского жука. Глаза уже щипало слезами, но от них было тепло и светло. Князь тоже подозрительно взором блеснул.

– Надолго – это хорошо, – гудел он, – а то в прошлый раз только нос показала, а потом как заперлись с Анатолем в Гнезде на медовую неделю так и не выходили. Не зря хоть запирались?

Я потупилась и смущенно отвела глаза.

– Ох и добрые же вести, – воскликнул князь и, смеясь от избытка чувств и уже не стесняясь повлажневших глаз, бросился обнимать меня, свою-чужую дочь, тиская и покачивая, как младенца. – Ох и добрые вести, дитяtko.

Отпустил и, все еще смеясь, тер глаза добытым из кармана платком, потом шумно прочистил нос, и мне наконец удалось увлечь его внутрь, а то стоим на пороге, как чужие.

– Вы здесь откуда, папенька? – любопытствовала я, жалея, что мне даже чаю человеку с дороги не предложить.

– Так от завесы еду. Мой черед был стражу нести. А потом, глядь, вроде на замковой башне огонь мельтешит. Я сюда. Вдруг пожар или еще какая напасть. Тут же нет никого. Как завеса придвинулась, народ и побежал. Так что вовремя вы с Анатолькой вернулись. И что ты, ладушка, в тяжести, тоже хорошо, – князь похлопал мне по руке, погладил. – Миру нужны божьи воины, они его своим огнем согревают.

Думаешь отчего завеса взялась? Некому стало бездний мрак отгонять.

– А как же принц? Ключ от грани у него.

– Венька-то? – заблестел глазами князь. – Так его сейчас другие завесы интересуют больше, те, что в альковах. И месяца не прошло с венчания. Тогда еще, как мы на излом года на праздник приезжали он Женевьев заприметил. Так что сестрице твоей, как желалось поскорее замуж, так и исполнилось. Это у тебя все через пень-колоду вышло.

Я вздохнула.

– Хотела много?

– Выбрать никак не могла, – прищурился дон Стерж.

Глава 1

Тогда

Вначале было слово и слово было – муахахаха!

В сказочной Казский жил-поживал канцлер, советник и ненаследный принц Анатолий дор Лий, внебрачный сын папы-короля и мамы королевской фрейлины. И это причем, что у короля законная супруга была!

О моральной стороне вопроса они пусть сами думают, а я буду о родном, близком и дорогом – о себе.

Так вот, жил принц не тужил, пока его братцу-погодке Вениану Лучезарному, совершенно законному и наследному, не настала пора жениться. Девицу ему выбрали из соседнего с Казской государством, светлейшую княжну Мари-Энн дон Стерж, хорошую, родовитую, но с одним недостатком – она взяла и внезапно убилась разбойниками по пути к месту торжественного сочетания.

Младшенький, пока папка-король недосмотра не заметил, не будь дурак, подкатил к магически одаренному братцу, умеющему шастать между мирами, и путем коварства не то вынудил, не то выпросил отправиться в мир иной за точно такой же девицей. Чтоб и с лица была не жаба и способностями не обделена. Ведь Веньке скоро корону принимать, охранять Казскую от злобных монстров ледяной Грани, а у него того, потенции неоптимальны без подходящей пары. Силушки

богатырской не хватает ключ от границ завесы в руках удержать. Обязательно нужна дамочка определенной конфигурации. Ну, и чтоб прочие фигуры были что надо. По секрету: принцы очень трепетно любят красивое.

Вот и мыкался Анатоль по мирам пока его случайно (а на самом деле вовсе нет) не занесло в бар на чашечку кофе, где всей фирмой мы (я, Мариана Стержинская и коллеги) торжественно отмечали ежегодно зимнее событие.

Нас сразу потянуло друг к другу с неудержимой силой: Анатолю было надо, а мне пузырьки в голову ударили. Именно этими пузырьками я на его коварное предложение выйти замуж за принца, воспринятое исключительно как подкат, сдуру и согласилась.

И попала в сказку по самые брови. Аж дышать не чем! А вы сами попробуйте на балу несколько танцев подряд прогарцевать затянутой в корсет, как породистая кобыла в новое седло. Красиво – слов нет, но натирает, жмет и вдохнуть исключительно через раз. А еще наездников полный зал, так и норовят то на стати полюбоваться, то ремни на сбруе поправить, то в левое стойло умыкнуть.

Анатоль, чернявое зеленоглазое хамло, заявил, что вот тебе, барышня, принц всамделишный, помолвочный бриллиант, балы, папа-князь и долго и счастливо в перспективе, а не нравится – загадку отгадай, что я за неведома зверушка. И тогда тут же домой к пробкам, смогу, должности арт-директора, пустой квартире и кинувшему накануне корпоратива

козлу Славику, с которым я другое долго и счастливо планировала.

Казалось бы, ну что такого, вот принц, вот дворец — живи и радуйся! Опять же жирное НО. Блаародные (произносить с французским прононсом) фрейлины оказались змеиным кублом. И если с маркизой Карамель ван Лав мы тихо-мирно поделили женихов (я ей своего казскийского графа Дракулу Слава Дубровского, а она мне обоих принцев), то с постылой подружкой Молин дон Шер мне по-сестрински разругать не удалось. Пришлось по-дворовому в оранжерее густотой прически померяться, выяснить, чья глотка лужёней, фантазия изощреннее, а слово магическое крепче. А потом пришел Анатолий и всех спас.

Там еще много всего было. Я внезапно зиму намагичила. Случайно. Я же не понимала, что во мне столько дури... э-э-э, магических сил, оказывается. Как скажу, так и случается. Главное, формулировать емко и образно. В керлинг еще играли, в фанты, на пикник ездили, от бездных тварей по лесу бегали. Анатолий опять всех спас. Сначала я его немножко, а потом уже он. У меня живой ковер завелся. Тоже случайно. Просто страшно очень было. Дворец большой и темный, и я вечно в нем терялась, вот и придумала себе волшебный gps. Потом мы с Анатолием чуть своей страстью сказочной библиотеку не спалили. А еще внезапно в Касский обнаружился Вовыч, мой подруг, сисадмин нашей фирмы. Не целиком, так, привиденистым подселенцем в раритетный рыцарский

доспех. Его болтающаяся в коме душонка, после отбитой об пол головы, случайно за мной в другой мир притянулась, когда я из бара пропала. Вот Вовыч с ковром меня и поддерживали как могли.

Но к тому времени я поняла, что именно чернявое хамло Анатоль мне и нужен, до подколенной дрожи, до зубовного скрежета, до пресловутых бабочек в животе, потому что у нас была пылающая библиотека, и вишневое вино в выстуженной карете после нападения бездных тварей, и его обжигающая всех прочих кровь на моих руках, и такой же обжигающий страх, что потеряю.

А свадьба с Венькой неумолимо приближалась, приближалась и приблизилась. И... нас обвенчали. Правда, я чудом успела угадать, что Толик – дракон. Опять же – НО! По законам сказочной страны, брак еще не брак и силу владеть ключом грани не передать, если свежеотбращенные супруги не обменялись помимо рук, сердец и колец, любовью в первую совместную ночь.

Вот тут-то все главное и случилось. Я сбежала с бала в честь венчания, чтобы порыдать, а Анатоль меня нашел и присвоил. Прямо там, где нашел, в своем собственном кабинете, а я не только не сопротивлялась, но и помогала ему по мере сил. И тут бы и сказочке конец, как нас Венька застукал. Прямо как в дурацкой комедии положений. И положение у нас с Анатолем было аховое.

Принц и сам магичить был не дурак, но скрывал. Там все

скрывали, потому что в Казский магичить – полнейший моветон. Вениан с Анатолем и сцепились. Два дракона... Один ледяной, потому что из-за Грани силу тянул, отчего по миру раздрай пошел, а второй обычный, живой и горячий. Очень горячий, да... Извините, отвлеклась.

Эпик фейл вышел эпичнее некуда. Вениан почти победил, а миру и нам с Анатолем настал бы армагеддец, но я вспомнила, что тоже слова всякие знаю и загадала долго и счастливо. Очень сильно. Всей душой.

И стало по слову моему.

Эпиграф помните про слово? Вот это оно и есть.

И все стало как было. Вернее, как надо. Я проснулась утром дома. НО! Рядом со мной был загадочный зеленоглазый принц из бара. Мой.

Все закончилось свадьбой, как в настоящей сказке. Только по-тихому. Потому что в мире Анатоля я внезапно умерла. Я ни капельки не обижаюсь, ведь настоящая Мари-Энн действительно погибла во время нападения, так что все справедливо. Мать Анатоля только знает, что я есть. Ну, и король, и князь с сестрой, и выходит, что дофига народу, но все молчат – магия сила!

Напутственная речь всем попавшим попаданкам. Если вдруг вы нечаянно вышли замуж за дракона в сказочной стране, будьте предельно осторожны, ведь однажды вам придётся родить ему наследника. А как рожать, если здесь даже аспирин не придумали?!

Сейчас

Все смешалось в замке обломов. Толкались локтями, теребя банты и накладные локоны две горничные, хватался за пульс и успокоительное пожилой медикус, метались вдоль стен недавно нанятые для ремонта в холле перепачканные краской и клеем мастеровые, цветастыми дорожками украсили плитку пола рулоны, подготовленные для обивки. Доставивший коробку преткновения посыльный опал лицом и готов был пасть всем остальным туловищем, чтобы не дай всесветлый не решили, что это лично он причина инцидента.

Островком спокойствия среди творящегося бедлама и айсбергом непокобели... непоколебимости был только что вернувшийся Анатоль.

Меня, подпирающую снизу выступающий фитболом живот, под белы ручки усаживали на тахту, совали в нос мерзкую вонючую гадость, стакан яблочного сока и хурму. Я лила слезы водопадом, всех ненавидела, хотела конфет и на ручки, и чтоб это были ручки Анатоля. А эта зеленоглазая драконистая морда даже бровью не дернула, не то что руки протянуть или приблизиться на приемлемую для захвата дистанцию.

– Подойдите ближ-ж-ж-е, бандерлоги... – мстительно пожелала я, жалобно шмыгнула носом, занюхала протянутой хурмой.

Анатоль сделал вид, что поддался, подошел, кышнул на челядь и присел рядом. Не ручки, конечно, но и так сойдет.

– Ну и? – спрашивали смеющиеся зеленые глаза. – Что на этот раз?

– Вот, – всхлипнула я и протянула затисканную в ладони стеклянную монстру, даже отдаленно не напоминающую единорога и тот эскиз, который я приложила к заказу.

К слову, о слезах. Не подумайте, что я какая-то истеричка, просто, когда случилось интересное положение, у меня в организме произошел глобальный сбой, будто кнопка на букве “ы” в клавише залипла. Теперь у меня практически все было со слезами на глазах: и праздники, и будни.

Анатолий, слегка недоумевая, рассматривал стеклянную фигурку четвероногого непарнокопытного с ветвящимся оленьим рогом на макушке. Да, в Казский, несмотря на всю ее несказанную сказочность, никогда не водилось единорогов, а я мечтала о подвеске над колыбелью с этими восхитительны-ы-ы-ы... Да что ж ты будешь делать! Збагойна! Я мечтала о подвеске с этими зверушками. Мне даже приснилось, как они, таинственно мерцающая от свечи, покачиваются, а в колыбельке сопит наш с Анатолием малыш или малышка. Но мастер-стеклодув, как настоящий художник, думал по-своему. Еще и чек прислал для доплаты за нестандартный заказ, крохобор. Живот же у меня просто случайно прихватило, когда я раздумывала, как этому творцу тварей понятнее объяснить, что он не прав и придется переделать. Вот кутерьма и началась.

В общем, на фоне происходящего я выглядела полной ду-

рой. И полной тут не для красного словца и исключительно по смыслу – живот был огромный. И будет таким, пока не случится радостное и пугающее меня лично событие. Огонь-ка добавляло то, что ребеночек явно в папу-дракона будет – меня все еще мучила изжога и постоянно хотелось пить и... Ну, вы поняли. Но самое страшное не это. Уровень местной медицины умудрился поразить даже мое закаленное интернетом воображение.

Самый популярный в герцогстве Лийон повитун – аутентично дикий дед – предлагал нам с Анатолем проверенные временем методы диагностики живыми и неживыми жабами и похвалялся деревянными щипцами для вытаскивания младенцев, тряс дипломами всех академий мира и показывал монструозной толщины книгу отзывов и благодарностей. Я впечатлилась и попробовала сеанс с жабой. С живой.

Ну, что сказать, если закрыть глаза, от аппликатора УЗИ по ощущениям мало отличается: холодное, скользкое и елозит. Но на щипцы я была категорически не согласна. Меня пугала дезинфекция спиртосодержащими отварами неопределенного срока годности и прослушивание сердцебиения плода путем прикладывания дедовского уха к моему пупку. Даже пожилой медикус-фармацевт из замка мне больше доверия внушал своей интеллигентностью. Правда у деда Яги в приемной и смотровой было куда креативнее. Кажется, жабы меня теперь преследовать будут, особенно их удивленные круглые глаза, выглядывающие сквозь стекло бутылей и бу-

тылиш, расставленных по полкам.

Этот акушер-герпентолог хоть и выглядел прописным Нафаней, обретался в Лийоне, центральном городе герцогства. Там нас с Анатолем видели люди, а Анатоля даже опознали, и в наше унылое, медленно возвращающееся к жизни обиталище зачастили гости и письма. Мы этот спам в основном игнорировали. Я читала только письма от сестрицы Женевьев, своей обстоятельностью и наполненностью страстями напоминающие бразильские сериалы, и редкие послания от отца и Карамель, в девичестве ван Лав, а теперь госпожи Дубровской, которая уже нянчила зубастое чадо от супруга-мороя (такой вампир). Это она мне чудо-деда присоветовала, расхвалив его как “профессионала узкого профиля”. Жаль, она сразу не уточнила, квак... какой ужины у него профиль. И если б не эта поездка, Анатоля бы не узрело некое официальное лицо и не сообщило бы королю.

Приглашением от монарха камин топить было чревато, Анатолю пришлось являться пред отчие очи, и выдумывать миллион причин, чтоб не волочь туда же и меня. Самой веской причиной было мое положение. И вот мой принц-дракон в очередной раз вернулся из столиц, наверняка причесанный против чешуи, а тут я со своими капризами. Даже стыдно стало. Нужно поистине драконье терпение иметь, чтобы все это вывозить. Жаль, я не дракон и у меня терпения сообразно весу. Прежнему. Потому что веса стало больше, а терпения как было, так и осталось.

– Как ты так быстро? Вчера ведь только уехал, – спросила я, бросая дурацкую стеклянную зверушку, ручки Анатоля были были приятнее – он поглаживал ими меня и мой фитбол.

– Как-как... драконом.

– Что, так довели?

– Да, мое сокровище. Извини, но нам придется поехать в Казск ко двору.

* * *

С появлением в замке слуг и работников условия проживания резко рванули вверх. У меня с Анатодем. У слуг, ясное дело, помимо работы была только работа. Но им за это удвоенное жалование шло и полный соцпакет. Придвинувшаяся завеса отпугивала квалифицированный персонал, зато среднее звено искрило энтузиазмом. У меня было целых две горничные (у них разные руки из нужного места росли) и это я ими командовала, а не они мною, как приснопамятная старшая фрейлина Колина ван Жен, она же фрекен Бок и блюститель моей нравственности при королевском дворе. Эта дама с необъятным бюстом и самомнением однажды весьма впечатлила моего папеньку. Кстати, как раз князь и помог с моей легализацией в миру.

Официально светлейшая княжна Мари-Энн дон Стерж числилась покойницей, поэтому князь тряхнул семейными книгами и извлек на свет божий дальнюю родичку с таким

же именем, скоренько на груди пригрел и Анатолю в жены сплавил. Потому как общество поморщится, но мезальянс герцогу дор Лий и королевскому бастарду простит, а вот жёну-иномирянку, что с тварями завесы одна кодла – ни за какие коврижки. Анатолю тут жить, вернее, постоянно сюда возвращаться.

Все дело в магии. Анатолий ею к своему миру привязан и не может надолго его покидать, иначе случится коллапс источника, так это тут называется. Маг лишается своих сил, а поскольку магия – это свойство не только души, но и разума, то остается пускающий слюни овощ. Так мне объясняли. Я – другое дело. Я зеркало, или *нить*. И нас таких по мирам – целый зеркальный коридор и при должном старании одну другой заменить хоть и не просто, но возможно, потому я так легко с настоящей Мари-Энн ужилась. Мне от нее досталась часть памяти, а ей от меня – все остальное: возможность жить дальше, любить до дрожи и быть рядом со своей половиной сердца.

Ради восстановления моего доброго имени в княжестве Мезерер, в моем отчем доме, мы гостили с неделю. Я вдоволь нагулялась по городу, словно сошедшему с видовых открыток о дворянской нестоличной России. Этакая ядреная и вместе с тем душевная смесь посконного с благородным.

– Папенька, – выражаться хотелось исключительно как помещицья дочь и так же глазками хлопать, – думаете никто не удивится?

– А с чего бы? Был у дальних родичей проездом, увидел племяншку-сиротку – точь-в-точь как дочка-покойница, сердце отцовское и дрогнуло. И жених сыскался ей...

– Королевич Анатоль, – мысленно добавила я голосом сказочного чтеца, а вслух сказала: – А жених, видимо, тоже памятливым и с дрожащим сердцем?

Мы сидели на открытой террасе... э-э-э... терема, ударившись в чаепитие. В Анатоля уже не лез ни чай, ни к чаю и он, облокотившись на резные перильца, смущал своей статью и красотой всех, кто имел неосторожность любопытничать, с кем это Стержин полдня разговоры разводит.

– Так мы, мужики, такие, – добродушно посмеивался князь, – нам всегда одна и та же девка нравится. Первая. Какой бы масти она потом не была, главное, что у ней внутри.

– И снаружи, – буркнула я, вспоминая княжеский интерес к статьям домомучительницы.

– И снаружи, – расхохотался дон Стерж, похлопывая себя по круглому животу почти что с мой размером. – А что не видно вас было, так что с него, кобеля столичного взять? Да и наследников заводить, дело приятное и лишних глаз не терпящее.

Вот тут я с князем была полностью солидарна. Наследника мы с супругом уже завели и даже ремонт, чтобы обновить Старое гнездо, затеяли, а вот времени и возможностей для близости стало значительно меньше. Анатоль осторожничал, я нервничала и ревновала его к его частым отлучкам

по делам и вообще. Как-то подозрительно много в замке подозрительно привлекательных молодых особ. Пока после новостей Анатолий меня наверх провожал, штуки четыре попались. Нет три, одна два раза пробежала. Вцепилась в рукав мужа покрепче, а то мало ли... Вон ступеньки влажные, блестят. Только вымыли или слюной закапали?

Мы заглянули в будущую детскую. Там уже все было готово, хотя Анатолий считал, что я тороплю события, ведь до времени “Ч” оставалось еще порядка трех месяцев. А я считала, что раз уж эта сказка слишком реальная, то и чудеса могут быть рукотворные, вроде этой резной колыбели из светлого дерева или воображаемой мною подвеской с единорогами. Кстати, надо попробовать, вдруг получится собственными силами превратить прибывших стеклянных монстров в нормальных единорогов. Раньше же получалось всякую хтонь творить.

Только бы Толик о моих чародейских замыслах не узнал. Стоит рядом и продолжает мне живот поглаживать, будто это он не меня успокаивает, а сам успокаивается.

Представляю, какой ажиотаж поднялся среди народных масс, когда он из столицы драконом летел. Небось уже во всех храмах звонят и молиться набились, как шпроты в банку. Драконы тут по религиозным поверьям – божьи воины. А раз вот он, страж всесветлого, по небу рассекает, значит грядет какой-нибудь ХЭ.

– Мы надолго в гости к королю? Его величеству надоели

твои отмазки, и он прямо приказал меня явить? Или еще что?

– Приказал. И еще что, – подтвердил Анатоль. – Вениана коронуют. Я обязан там быть.

– Вот Женька, зараза, а еще сестра, пишет письма километрами и хоть бы словом обмолвилась, что она теперь королевой станет.

– Никто не знал. Даже Вениан не знал. Нет, понятно было, что это случится, но что так скоро. Год после его женитьбы еще не прошел. Я не хотел тебя везти, но отец очень болен и пожелал.

– Так может, того, драконом? – оживилась я, представив свои полуобнаженные ноги на супружеской шее, закованной в броню роговых пластин, и каменной твердости чешую такого темного зеленого цвета, что кажется черным, развевающееся платье и волосы и... фитбол.

Анатоль дрожал губами. Опять ржет, паразит, будто мне в голову подсмотрел.

– Нет, – сказал, – драконом нельзя, народ пугается и тебя еще растрясет, укачает или простудит, но картинка мне нравится, особенно та часть, что про ноги.

– Ты все мне врал! Ты читаешь мысли! – я возмущенно развернулась к нему лицом.

– Ты как всегда очень выразительно думаешь, а еще читаешь... читала в сети всякие глупости о соблазненных драконами невинных девах, с подробностями и без, – мечтатель-

но проговорил Анатоль, шебуршась пальцами у меня на затылке, и меня, как всегда, когда он начинал вот так делать, да и вообще от его голоса, низкого и урчащего, пронимало мурашками до печенок.

– Тогда требую подробностей, раз ты меня уже соблазнил.

– Вообще-то это ты меня соблазнила. Набросилась с поцелуями прямо при матери и королеве.

– Так я уже не была невинной девой.

– Да, действительно, как это я так прокололся, – нарочито разочарованно сказал Анатоль и сделал вид, что собирается уйти, но я удержала его руки и губы и все остальное тоже.

– Как щедро, ваше высочество, – едва дыша от поцелуя, проговорила я.

– Это утешительный приз перед двумя сутками в карете и... может вернемся к теме о ногах на шее?

– А как же невинные девы?

– К бесям, развратная жена ближе и доступнее, – отозвался супруг, торопливо освобождая мои ноги от чулок и вычурного кружевного исподнего и устраиваясь со мной на широкой мягкой тахте.

Я не зря ответственно подходила к выбору мебели.

Глава 2

Королевский дворец потрясал воображение размерами. По территории, на которой он находился, можно было водить пешие туристические маршруты с ночевкой и потому ничего удивительного, что я ужаснулась. Но сам дворец остался чуть позади. То, где мы будем жить, называлось Лиловый павильон, от него до дворца было с четверть километра парковых угодий. Но даже этот дворцовый пробник был в два этажа.

– Мне срочно нужен мой путеводный ковер, – заявила я, как только мы с барахлом, которое заняло целую отдельную карету, прибыли.

– Будешь на нем спать у порога, чтобы не забыть, где дверь? – хмыкнул Анатоль, подавая мне руку, чтобы я вышла.

– Очень смешно. Это ты во дворцах – дома, а я вечно в гостях и с черного хода.

Анатоль собирался что-то ответить, но не успел. Дверь во временное обиталище распахнулась руками лакеев.

Нас встречали два мажордома отеческого вида, два камергера в замше, какая-то челядь без счета в штанах по одной стороне и в юбках по другой, выстроенная по ранжиру, от более ранжирных к менее и... Ой, нет... Возглавляла воинство рюшей и шелков не к добру помянутая несколько дней

назад Колина ван Жен со своей грудью, которой можно не только амбразуру закрыть, но и целый дот обезвредить.

Я трусливо ломанулась обратно, но обратно был Анатоль, а с ним такие номера не прокатывают. А еще у него руки длинные и авторитет. Мужики преклонились, прочие в юбках потекли киселем и попадали в реверансы. Только домохозяйка устояла, обойдясь книксеном.

Самый мажористый дядька, похожий в своем старомодном камзоле на зеленого жука-долгоносика, фигурами из пальцев послал челядь таскать наши баулы, проверять, все ли готово в комнатах, и принялся разливать соловьем, расписывая прелести вверенной его заботам недвижимости. Анатоль ему покивал, сказал, какой он молодец, потом заявил, что у него дела, чмокнул меня в запястье и свинтил, бросив на произвол судьбы и мадам Колины.

Ван Жен подозрительно ко мне приглядывалась. По легенде мы друг друга знать не знаем. Я – ушлая провинциалка, выскочившая замуж за герцога и признанного королевского бастарда, она – почтенная дама с опытом работы во дворцах.

– Колина ван Жен, ваше сиятельство, я ваша фрейлина на время пребывания во дворце, – жеманно представилась она и пригласила осмотреть площадку по пути к месту, где можно отдохнуть с дороги.

Павильон не зря называли Лиловым. И если против лаванды в вазах я ничего не имела, то обилие этого цвета во всем

прочем напрягало.

– Как вам ваши комнаты? – поинтересовалась ван Жен, едва мы переступили порог.

– Мне фиолетово, – ляпнула я, обзрев шторы и гарнитуры, а домохозяйка прищурилась.

Кажется, моя легенда только что пошла прахом. Престарелые поборницы морали, вроде Колины, скандалы за версту чувствуют, а память на лица и людей, у них как у приподъездных бабушек.

– Простите, тут давно никто не жил, – завелась она. – Его сиятельство канцлер дор Лий, редко бывает в столице.

Так, выходит это лиловое безобразие личный домик Толика? Ему определенно нужно сменить декоратора. Кстати, при всей обширности, предоставленные мне покои явно были рассчитаны на одного. Это у нас теперь еще и спальни раздельные?

Задать животрепещущий вопрос мне помешала вереница слуг с багажом. Вслед за чемоданами протырились две девицы.

– Это ваши горничные, – прокомментировала ван Жен, – а это, – она извлекла их пышных складок пухлую тетрадку, – ваше расписание.

– С какой радости? – опешила я.

– Начинаются празднества, посвященные скорой коронации его высочества Вениана, – поджала губы дама, всем своим лицом и частично шеей выражая неодобрение моей

неосведомленностью. – Ее величество изъявила желание видеть вас в своей свите. Бал представления наследника завтра вечером. Канцлер дор Лий приказал приготовить вам гардероб заранее, но я не думала, что ваше положение настолько... настолько...

Мне даже интересно стало, как она обзовет мой выдающийся во всех смыслах живот, как дверь снова открылась.

– О! – тут же соскочила с темы Колина. – А вот и мастер-модельер. Времени мало, но пару платьев для завтрашнего торжества он поправить успеет.

– А медикус будет?

– Вам дурно? – изобразила беспокойство фрейлина.

– Пока нет, но чувствую, что скоро станет, – мрачно сообщила я разглядывая прибывшего гения ножниц и лекал, облаченного в такой зеленый, что сама собой просилась песенка про кузнечика.

Это был ни кто иной, как любитель перьев во все места Глай ар Мур, кажется, окончательно переквалифицировавшийся из куаферов в эксклюзивные портные. Перьев ни при нем, ни на нем не было, но мне уже чихать хотелось. Заранее. Аллергия у меня на перья и красоту в его исполнении. Правда, подвенечное платье для моей провалившейся свадьбы с Венианом он сотворил гениальное.

– Лапочка! – всплеснул ручками ар Мур и, забавно переламываясь в коленках, рванул ко мне, – вы ужасненько кругленькая. Я в полнейшей панике!

Кузнечик, цокая каблучками по паркету, как чихуахуа нестриженными когтями, обежал меня и замер.

– Чтоделатьчтоделать, – бормотал он в прижатые ко рту обильно усыпанные перстнями пальцы.

– Вы же профессионал, – добила я его фразой, способной надолго вогнать в ступор любую мало-мальски творческую личность, но не тут-то было. Посланец гламура воссиял рождественской звездой.

– Ласточка! Вы будете неотразимы! Я сделаю так, что все будут хотеть только вас!

– А можно как-нибудь без всеобщего вождения? Боюсь, супруг не оценит, – но слова прозвучали в никуда. Ар Мура вынесло из моих покоев на крыльях вдохновения.

Слуги тем временем разобрали мой багаж. Горничные под пристальным взором ван Жен, помогли мне принять ванну и переодеться, снабдили перекусом и только потом оставили в покое. Последней ушла Колина, напомнив изучить расписание.

Рядом с глубоким креслом у высокого витражного окна, где я пристроилась подремать, на стойке лежали пальцы с заправленным в них куском шелка, набор для вышивания и схемы. Там и дракон был. Изобразить, что ли, средневековую даму в ожидании супруга? Где он, кстати, шастает? Пусть бы уже явился. А то мне печально до слез и хурмы никто не предложит. Я ее не ела, мне ее исключительно нюхать хотелось. Поэтому я сосредоточилась и пожелала, чтоб явился

мой принц, можно даже без хурмы. Раз пожелала, другой... А потом устала и уснула.

Меня разбудил осторожный поцелуй.

– Где ты был так долго, – с укором в голосе и не торопясь выныривать из дремоты, пробормотала я. С готовностью потянулась навстречу и почти в тот же момент уперлась в грудь, отталкивая. Губы были не те. И запах. В панике открыв глаза я увидела рядом совсем не того принца.

В чем разница между его прекрасным златокудрым высочеством Венианом дор Мин и болезнью Альцгеймера? Да ни в чем, трясет одинаково.

– Все такая же страстная, искорка. Где он тебя прятал столько времени? – лисом ворковал принц и снова тянул за гребущие ручонки.

– Подальше от тебя, – шипела я гадюкой. Могла бы – ядом в бесстыжие синие глазищи плюнула бы. Я помню, как хорошо он умеет успокаивать наложением рук, пуская по коже синенькие огоньки. А раз успокаивать умеет, то и внушить что-нибудь противоестественное наверняка способен. Ключ ему Анатолий отдал, так что он теперь из-за завесы силу тянуть может практически без напряжения, да и своя имеется. И если с Женькой у них сладилось полюбовно, Вениан сейчас даже сильнее Анатолия.

Таким странным образом работает здесь магия. Мужчина – это инструмент и ключ, женщина – источник силы и дом, который нужно беречь. Когда есть взаимность, любого ро-

да, будь то влечение, любовь, симпатия, уважение или честная договоренность, магия продолжает жить и питать мир, защищать его от того, что за завесой. Все дело в созвучии, гармонии и чистых намерениях.

И Серафин, мать Анатоля, и королева, мать Вениана – источники. Герцогиня дор Лий была слабее, но они с королем любили и родился маг, способный ходить сквозь завесу в другие миры. Огненная кровь – лишь случайно выпавшая фишка. Королева же вышла замуж по велению долга и получился Вениан. Никаких выдающихся способностей. Законному наследному принцу не хватило сил, чтобы подчинить ключ, когда король начал слабеть, поэтому ключ принял ненаследный старший. Анатолий хотел путешествовать, а ключ приковал его к дому.

Он и сейчас не может уйти совсем, хотя я – его источник – большей частью принадлежу совсем другому миру. Теперь я жду его ребенка, выходит связь с Казской у меня стала сильнее? Тогда почему призвался Вениан, а не Анатолий? Или я в очередной раз загадала как-то не так? Минусы образного мышления. Ассоциативный ряд уводит в такие дебри, что потом хвостов не найти. Я вот так как-то полезла в сети поискать про свою внезапную сыпь, а очнулась спустя несколько часов с книжкой про некромантов на моменте, как одного из главгадов люстрой убило.

Над Венианом как раз люстра была подходящего веса и конфигурации, и я всерьез задумалась о надежности ее креп-

ления к потолку.

– Не сердись, звездочка, ты так мило спала, никаких сил удержаться. Еще красивее стала. И желаннее... А я скучал.

Снова лапки потянул и почти что монарший зад норовит на подлокотник примостить, чтоб, так сказать, к телу поближе. Даже живот мой не смутил. Подумать только, такой весь из себя принц, а на деле – сказочной беспринципности тип. Вот где интересно моя фрейлина, этот цербер на страже нравственности? Тут меня домагиваются и даже примерно гавкнуть некому.

Глубокое удобное кресло сыграло злую шутку – мне из него без посторонней помощи было не выбраться, а тут еще Венька с лапами. Нашлепала пяльцами по пальцам, поугрожала Анатолом и что если не встану я, то не встанет и у него, как тогда, только на подольше. Поскольку *тогда* случайно вышло, а сейчас будет осознанно. Вениану же знать не обязательно, что у меня почему-то с желаниями не ах... Но принц устрасился. Не ясно, чего именно: брата или возможности лишиться возможностей. Или просто вид сделал. И даже вполне прилично мне руку подал, помогая встать.

– Откуда столько негатива, конфетка? – И серебро в глазах зажег.

– Серьезно? В последнюю встречу ты нас с Анатолом чуть по полу ровным слоем не раскатал.

– Какой дивный слог... Наши с братом разногласия хоть и касались тебя, но неужели ты думаешь, что я причинил

бы тебе вред, пусть ты и изменила мне сразу после венчания. Думаешь, мне приятно было видеть эту пошлую сцену на столе?

Пальцы Вениана капканом сомкнулись на моем запястьях и принц, подтянув меня к себе и приблизив свое лицо к моему так, что наши губы почти касались, очень тихо произнес:

– Обо всем можно было договориться, сладкая, раз он так тебе нравился, но той ночью мне полагалось быть первым, не ему. Это было мое право.

– Может и так. Вот только меня никто не спрашивал, хочу ли я участвовать в вашей авантюре. Поэтому это было и мое право. Выбирать. И я выбрала. Окончательно и бесповоротно. Я люблю Анатоля и жду от него ребенка. У тебя жена, ключ и скоро будет корона. Мы оба получили, что хотели.

– Не совсем, ягодка, не совсем, – прошептал Вениан и впился в мои губы.

Пришлось куснуть его и припечатать по ноге каблуком. Он засмеялся, отпустил меня, слизнув с губы выступившую кровь. Отступил на два шага и поклонился, будто благодарил.

Красивый, все-таки он красивый, этого не отнять. И опасный. В наступивших сумерках его одетая в светло-голубое фигура будто светилась. За то время, что мы не виделись, с лица Вениана исчезла прежняя слащавость. Или он всегда был таким, а я ничего не видела сквозь маску, что он носил? Но теперь это неважно.

– Исчезни, – от души пожелала я.

За спиной Вениана протаяла ледяная дыра, мгновенно выстудив комнату. Принц, почти король, снова улыбнулся, шагнул в нее спиной и исчез, как мне и хотелось. Только по своей воле, а не по моей.

Я стояла столбом посреди комнаты, покрывшись мурашками от озноба. Анатолий тоже раньше вот так, внутри мира, через ледяные дырки сигал, когда ключ от завесы был у него. Сейчас, наверное, тоже может, но это удар по равновесию, и он не станет, даже в Казск мы, как все, каретой ехали. И кажется, моя магия все-таки сломалась.

В коридоре раздались шаги. Анатолий... Я рванула навстречу и врезалась в него на скорости гоночного болида. Облапила, ткнувшись лицом в грудь. Вишня и солнце. Мое.

– Что ты так долго? – бубнела я, в горле уже стоял ком, и глаза были на мокром месте, но я держалась. В основном, за Анатоля.

– Сама виновата, на дворцовой кухне вдруг не нашлось хурмы и пришлось ехать за ней в город, – сказал он, я макушкой чувствовала, что лыбится, драконья морда, и от умиления все же пустила слезу. Не сильно, на троечку. На Анатоле даже рубашка не промокла, только камзол чуть-чуть.

– Как прошел остаток дня? Невинно убиенные есть? – супруг заставил свечи вспыхнуть и протянул добытую невероятным трудом хурму.

– Есть. Мои нервные клетки. Целое кладбище. И надгроб-

ный камень с эпитафией, – пожаловалась я, занюхивая настроение.

Плод был изумительно оранжевый и какой-то полупрозрачный. Я даже надкусила от восторга. На вкус было хуже, чем с виду – язык завязало узлом, но, чтобы предьявить тетрадку с распорядком, язык особенно и не нужен.

Анатолий провез глазами по гарнитурам, выбирая, куда пристроить свое подуставшее от государственных и не очень дел тело. Темно-фиолетовый диван глянулся ему больше кресла. Я прилипла рядом.

– Читала? – поинтересовался он с видом учителя требующего домашку.

– Куда мне столько радости скопом? Одного Гламура за глаза хватило. Что, при дворе других храбрых портняжек нет?

– Это мамин тебе презент. Она сказала, что ты с его творениями удивительно органично сочетаешься, – ухмылялся супруг.

Вот и как на это реагировать? Анатолий маму боготворит и очень любит, да и мне Серафим тут за пример, как должно выглядеть леди, но леди и любитель экстравагантности на грани фола ар Мур – сочетание странное. Ладно, дадим новатору моды еще шанс. В конце концов мама плохого не посоветует.

Пока я маялась мыслями о юбках, Анатолий добыл где-то карандаш и почеркал в моей тетрадке.

– Это обязательно? – уточнила я, принимая опус обратно. – Все эти балы с увеселениями?

– Ни в чем себе не отказывай, – хитро улыбнулся Анатоль. – Думаю, этому месту не помешает немного жизни. А знаешь, – он выдернул тетрадку из моих рук, – и не читай. Я сам тебе буду говорить. Лично. Утром.

– Лучше вечером.

– Ты же уснуть не сможешь.

– Зато будет время для утешений. Анатоль! – я схватила его за рукав. – Все пропало! У нас разные спальни!

– Так даже интереснее. Будем ходить друг к другу в гости. И вообще тут спален много, можем всякий раз в новой спать. Загадаешь на жениха.

Я бы посмеялась, если бы не внезапный визит Вениана. Но всякий раз, как я собиралась об этом сказать, у меня язык узлом вязало, как от неспелой хурмы, и слова застревали на полпути.

– А я могу никуда не ходить? – вздохнула я.

– Можешь, но все опять решат, что я наврал про жену и станут покушаться на мою честь. Достаточно будет показаться, а потом уйти. Я всегда так делаю.

– Одно утешает, что на завтрашнем безобразии придется танцевать, делать это со мной будешь ты.

– Танцевать на балу только с одним кавалером, даже если он муж, неприлично, но три танца мои. Можно даже подряд. А вообще беременным дамам полагается тихо сидеть у сте-

ночки, но ты же не усилишь.

– Покажемся и уйдем?

Анатолий кивнул и встал с дивана.

– Там нам ужин накрыли, а потом можно сходить посмотреть на мою спальню. Сойдет в качестве утешения?

– Только посмотреть?

– Даже полежать разрешу.

Я слегка воспряла духом. Но за ужином лишь вяло поковырялась в тарелке. Анатолий пытался меня расшевелить, в конце концов взял за руку и повел в другую часть дома, условно разделенного на две части лестницей. Там было строго и атмосферно и даже вездесущий фиолетовый смотрелся совсем иначе.

– Мари-Энн, что стряслось? – спросил муж, когда я забила ему под бок комком. – Ты на себя не похожа, молчишь и улыбка как приклеенная. Тебе плохо? Позвать целителя?

Я покачала головой и прижалась теснее.

– Он ничего тебе не сделает, – вдруг сказал Анатолий. – Ты ведь поэтому нервничаешь? Переживаешь из-за Вениана?

Я кивнула.

– Ему будет не до тебя. А после коронации мы сразу уедем.

Я снова кивнула. У меня снова не получилось сказать про визит. Зато я вспомнила о другом.

– А как ты узнал, что я хочу хурмы?

– Ты в последнее время всегда ее хочешь. Особенно, когда волнуешься, а тут переезд, впечатления, старые знакомые.

Но ограничение на желания здесь работает тоже.

Так и не понятно, сам принес или потому, что я пожелала. Ладно, будем, как всегда, разбираться по ходу действия, главное, чтобы костюмчик сидел и сюрпризов поменьше.

Глава 3

Я проснулась с чувством дежавю. Огромная постель, я и Колина ван Жен с возвышающимся надо мной, как дамклов меч, бюстом и веером. Два меча. Два мяча и веер. Какого она делает в спальне Анатоля, безнравственная женщино? Это моя тер-р-р-ритория! А чего это я такая? А! Это мы с пузиком проголодались.

Колина принялась меня из постели выуживать и высокопарно пеняла на неприличное.

Вот тут я не поняла. Что может быть неприличного проснуться в постели мужа? Или мне нужно было под покровом ночи обратно к себе красться? Так я бы не дошла, найдя, где заблудится, даже посреди ровного, как магистраль, коридора, а путеводный ковер остался в замке.

Ван Жен продолжала давила на чувство прекрасного, намекая на ожидающую меня подготовку к балу, но сработал поднос с едой. А потом начались жертвы красоте. И даже поныть некому – Анатолий слинял. Вот талант: появляться чуть ли не с фанфарами, а исчезать незаметно.

И половина дня вдруг прошла.

Декорации: комнаты мои, гарнитуры мои, челядь местная плюс набежавшие. И все фиолетовое, кроме...

– Оранжевое небо, оранжевое море, – задорно пело у меня в голове и рефреном, но уже не так задорно отзывалось: –

Оранжевая я.

Последнее я произнесла вслух, невольно щурясь. Убойно-радостный цвет надетого на меня платья прожигал глаза до мозжечка. Видимо, поэтому в голове кружилось и мельтешило, и появление в туалетной (или гардеробной?) комнате Анатоля я вычислила по косвенным признакам, как то полупридушенные вздохи, сквозняк от ресниц, декольте всех калибров навывкате и волна книксенов. К слову, обслуживающего персонала у Глая ар Мура прибыло значительно. Если раньше он обходился двумя-тремя девицами и внушительным зеркалоносцем, то теперь у него была целая гламурная армия.

– Ну-у-у, – протянул супруг, стараясь не ржать так показательно, что это было даже обидно. – Ты же любишь хурму.

Обалдеть. Картина маслом к фразе “Ты то, что ты ешь”. Серьезно?

– Глай... – угрожающе начала я. – Когда вы сказали, что все будут хотеть только меня, вы ведь не имели в виду хотеть... э-э-э... надкусить?

– Что вы, лапочка, ни в коем случае! – всплеснул ручками творец шедевров. – Не надкусить! А полностью...

– Кх-кх, – подал голос Анатоль.

– ...вами очароваться, – как ни в чем не бывало поправился ар Мур. – И душечка, это еще не весь наряд! Сейчас будет изюминка!

И свинтил в недра космических размеров шкафа, в кото-

ром не только жить можно, но и модные революции устраивать. А я утратилась. Куда уж изумнее?

Талия на платье была высоко, чтобы не мешать моему пузику. Весь наряд очень напоминал платья эпохи Наполеона, если бы не отвязный цвет. Анатолий сидел на спинке дивана, элегантно в черном, если не считать огненно-оранжевой оторочки на манжетах, удивительно совпадающей по цвету с моим нарядом. Знал, паразит? Или сам и подсказал.

Пока я хлопала глазами, пытаюсь сформулировать ноту протеста, Глай, сегодня одетый в персиковое, руками помощник вынес нечто едва видимое на свету и невероятно воздушное из лепестков тончайшей газовой ткани. И когда это легло поверх платья, вырвиглазно-оранжевый превратился в нежный и чуть розоватый, какой бывает на расвете. Но стоило мне шевельнуться, как между разошедшихся на подоле газовых лепестков вспыхивало пламя.

– И никаких перьев, – вдруг шепнул мне законодатель прекрасного и подмигнул подведенным розовыми тенями глазом. – А теперь позвольте, душа моя, я закончу с вашими волосами, и вы отправитесь покорять двор.

Я, все еще восхищенная преображением, молча кивнула. И вот опять дежавю. Коридор-анфилада перед бальным залом, хоть дворец другой. Моя рука на руке Анатолия, и я волнуюсь, а он чуть надменно, покровительственно и, что греха таить, по-собственнически, поглядывает на меня своими изумительно-зелеными глазами и читает мои мысли по

лицу, как по открытой книге. А еще он улыбается, потому что тоже помнит, как вел меня на мой первый бал.

– Не смей меня бросать, – процедила я.

– Даже если ты случайно потеряешься, найти тебя на составитель особого труда. Нужно будет просто посмотреть, где скандал, – выдал Анатолий. – И потом. Такое платье сложно не заметить, что само по себе скандал.

– Быстро пляшем три обязаловки и уходим?

– А вдруг тебе понравится?

– Сомневаюсь.

– Если все три подряд – опять же, скандал, – смакуя последнее слово произнес он.

– Мне можно, я по легенде провинция. Как там однажды папенька твой выразился? Сиськи и гонор? Теперь вот еще и живот.

Анатолий хохотнул. Строго говоря, я преувеличивала размеры своих размеров. Просто от того, что мне было неудобно, и я никак не могла привыкнуть к смещенному центру тяжести, он казался мне самой больше, чем есть. Под удачно скроенным платьем его и не видно почти.

– Как насчет оскандалиться прямо сразу и выдохнуть? – предложил Анатолий.

Я удивленно развернулась к нему, а он подался навстречу, чуть склонившись, и обжег мои губы. Нежно, волнующе и страстно, будто целовал меня впервые, поэтому я даже не поняла в какой момент распахнулись двери в зал.

Сорвалась на дискант не успевшая вовремя умолкнуть дудка и стало тихо.

– Канцлер Казский, советник его высочества герцог дор Лий, ненаследный принц Анатоль ар Мин с супругой! – громогласно возвестил герольд, а у меня в животе порхали бабочки и звездами сверкала вселенная, потому что упомянутый канцлер-герцог-принц Анатоль знает, как качественно опозорить даму, даже если она – его собственная жена.

– Вот теперь это можно назвать представлением, – прошептал Анатоль, отрываясь от моих губ, покрепче перехватил меня под руку и за талию придержал, и в зал, полный разряженных людей с представителями верховной власти во главе, я вошла, сияя восторженной улыбкой и со слегка бессмысленным взором. Коварный супруг с легкостью заменял несколько бокалов с пузырьками, принятыми натошак.

К трону для обязательного приветствия монарху нас сопровождали взгляды и шепотки.

Король и правда неважно выглядел. Властный и прямолинейный, он противился своей слабости и болезни, испариной выступившей на лбу. Рубленые и четкие, как карандашный набросок, правильные черты лица чуть оплыли, прибавилось морщин. Он все так же смотрел на меня с сомнением. И даже больше не на меня, а на скрытый платьем живот.

И королева тоже смотрела туда. Не изменилась ни капли. Все такая же салонной красоты ухоженная золотоволосая женщина. Ей бы пошел строгий брючный костюм. Стран-

ное дело, оба королевских отпрыска внешне очень похожи на своих матерей. А на отца... так сразу и не поймешь.

Глубокий реверанс.

И выпрямились на счет три. А то спина уже заныла. Я достаточно родовита по местным меркам, чтобы не ждать, когда мне позволят встать.

И сказка рассыпалась – Вениан смотрел на меня, как на законную добычу.

В ярко-голубых глазах будущего короля Казский льдом стыло острое серебро. Моя сестрица Женевьев сидела рядом с ним и то и дело бросала на принца восхищенные и полные обожания взгляды. Влюблена по уши. Понимаю. Есть во что. Но и папа-князь прав, Вениана очень уж королевским воспитанием испортили. Прямо с рождения.

– Мира и Света, сын, – поприветствовал король. – Раз что ты нашел свое счастье. – И добавил чуть тише, чтобы только мы слышали: – Снова.

А дальше уже исключительно для меня:

– Завтра к послеобеденному чаю зайдешь, поговорим о наследниках.

Стоящий рядом Анатолий шевельнулся, и мне на миг почудилось, как два шипастых темных крыла, смыкаясь кольцом, отгораживают меня от сидящего на троне короля.

– Можешь проводить, – спокойно добавил его величество, в упор глядя на вышедшего вперед на полшага Анатолия, – но говорить мы будем без тебя.

Муж поклонился, и я тоже поспешила с реверансами. Взгляд Вениана все так же был устремлен на меня, я продолжала чувствовать колкое серебро лопатками, когда мы отошли.

Анатолий, как ни странно, направился к фуршетному столу. По пути нам кланялись и желали засвидетельствовать почтение, бросаясь едва не в ноги, и каждый второй пытался вычислить момент счастливого прибавления в семействе дор Лий, таращась мне в складки на животе. Дамы завистливо источали ядовито-вежливые комплименты наряду. Похоже, что Глай ар Мур просто устроил презентацию за мой счет в надежде на расширение клиентской базы.

Из-за всех этих препонов путь к напиткам оказался долог и тернист, но тем приятнее был приз. Мне достался компот. В меру холодный и почти не сладкий. Анатолий приложился к другому питью, и я забеспокоилась. Пока король говорил со мной, супруг играл в гляделки с братом, после чего ему как вожжа под хвост попала. Я закончила с компотом, опять попыталась рассказать про неурочный визит и украденный поцелуй и снова сделалась рыбкой. Зараза... Явно Венечки проделки, чтоб ему икалось весь вечер, как мне двух слов не связать. Анатолий смотрел на опустевший бокал в глубокой задумчивости.

– То есть мне прикладываться неприлично, а тебе вполне? – уточнила я.

– Я мужчина, – отозвался Анатолий и будто в пику мне сно-

ва набулькал в бокальчик. Я прямо умилилась – вот же оно, мое обожаемое длинноногое брюнетистое хамло, будто только вчера встретила. Морда надменная, родовитость из ушей прет, а были бы лазеры в зеленых глазах, уже половина зала бы в фарш покрошил.

– Яхонтовый мой, откуда этот бородатый средневековый шовинизм? – сияя ярче платья осведомилась я. – Тебя так стремительно градусом приложило или это общение с родственниками тлетворно сказывается на мироощущении?

– Угу, – буркнул супруг, прикусил вишенкой, хрустнул вишневой косточкой, предварительно прокатив ее между зубов с душераздирающим скрежетом, будто чью-то конкретную шею за позвонки прихватил. Потом с пылом выпускника притиснул меня к себе и, обдав фимиамами выдержанного винограда с легкой вишневой ноткой, прошептал на ухо:

– А теперь – танцы.

– Анатолий, – робко проблеяла я, уже поставленная супругом на исходную почти что в центре зала. – Может мы тихонечко в наш домик цвета синяка отползем?

– Нет уж. Зря я на гардероб тратился? Еще не забыла, куда и в каком порядке ноги переставлять, сокровище мое? Или не только мое?

Грянуло, будто он лично оркестром командовал.

Я в шоках. Что вообще происходит?

“Раз, два, три, раз, два, три”, – тренькало в голове, прочие мысли тихо собрали барахло и умотали. Я бы тоже с радо-

стью, но меня держали, поддерживали, поворачивали...

— Анатоль, что... — Уииии... Еще один такой пируэт и компотик наружу попросится. — ...происходит.

— Может сама скажешь, р-р-радость моя? — и смотрит так, словно сожрать готов, ну, или как ар Мур обещал, понадку-сывать. — Поделишься, кто тебя в мое отсутствие навещает?

В этом месте танца, партнерше, поддерживаемой под спину и вытянутую в сторону руку, полагалось изящно прогнуться в спине и игриво прижать свою согнутую в колене ножку к бедру кавалера, и головку на бок повернуть, подставляя лебединую шею, будто ожидая поцелуя.

Прогнулась я не слишком изящно, картошечная грация и обхваты мешали внутренней балерине, да еще и хрупнуло в спине подозрительно. Что до остального... Пожалуй, платье цвета хурмы помехой не станет, скорее, наоборот. Я почти наяву видела, как в мою шею впиваются... Анатоль решил продолжить прилюдный позор и вместо того, чтобы лишь пощекотать кожу дыханием, таки куснул.

Дрожь прокатилась по телу, и стон мне сдержать не удалось, и у кавалера неподалеку от нас случилась реакция, которую сполна ощутила его вспыхнувшая румянцем дама, находящаяся сейчас в той же позиции, что и я.

Супруг шел в отрыв, явно желая показать, кто тут самый альфовый среди самцов, и если это дурное драконище не успокоится, я быстро найду, где его успокоить. Полагаю, ниш и укромных уголков в королевском дворце не меньше, чем в

королевской же летней резиденции, где раньше Вениан обитал. Вениан! Вот я балда! Это же только с виду тут все благородные, а на деле – та еще кодла. И когда успели сплетен напустить? Ведь на входе Анатолий еще нормальный был? Или у него с братцем есть способ общаться без свидетелей при свидетелях и мне этот выразительный разговор взглядами не почудился?

– Говори. Сейчас же, – Анатолий обжег дыханием ухо и потянул меня к себе, помогая выпрямиться. В спине снова хрупнуло.

– Можно подумать, я не пыталась, но всякий раз, как соберусь сказать, что... хыыы... – Я сосредоточилась: – Хы-ы-ы... Что б меня беси драли!

Конечно же именно в тот момент, как я эмоционально произнесла последнюю фразу, стало тихо. Оркестр, скрытый где-то наверху, просто вдохнул перед новым музыкальным пассажем. А тут я самовыражаюсь.

С этой интригующей ноты начался новый танец. Меня больше не хотели жрать, что слегка удручало, я уже настроилась и предвкушала шебуршание в полумраке.

– Можно было написать, или показать на пальцах, – процедил Анатолий, глядя поверх моей макушки. Небось уже и сам в офигении от своей вспышки, а сознаться запаadlo. Я попыталась представить, как на пальцах показываю визит королевского наследника и его гнусную выходку. Получалось мало того, что неубедительно, так еще и пошло. И реакция

была бы ровно такой же.

– Про бесей было опрометчиво.

– Нечего было истерить на меня, можно подумать это ты беременный. И вот кстати. Я устала и мне надо, – заявила я и бровями подергала.

Танец завершился очень кстати и очень кстати рядом оказалась Женевьев, тут же принявшаяся трепетать ресницами. Ничего. Нормально. Когда все встречающие дамы слюни пускают, я же спокойно р-р-реагирую... Ой, что это было?

– Проводить? – предложил муж.

– В дамскую комнату? – уточнила я.

Анатолий молча поклонился и оставил нас с сестрой одних. Женька, лисица, тут же запела в уши про то, как я дивно прекрасна, а платье вообще огонь, но к вожаденной комнате проводила. А на выходе оказалось, что я оказалась совсем одна. И видимо, про бесей я, действительно, зря сказала.

С умывальника цвета фуксии на меня печальными круглыми глазами жалостливо смотрела жаба, изнывая над чашкой с кусочками мыла разных оттенков красного. От ее взгляда хотелось пойти и удавиться самостоятельно, только бы бедняга не страдала. Жабе явно было дурно, примерно, как и мне. Кажется, в процессе вальсирования меня слегка укачало. Захотелось кисленького.

Когда Женька слилась, я не услышала. Наверное, устала ждать, пока я со своими оборками разберусь. Дурацкое местное белье однозначно нужно модернизировать, и я даже

знаю, кому идею подать. Ар Мур озолотится, если дамам не придется по полчаса завязки на панталонах распутывать.

Я вздохнула над своим отражением в зеркале, вымыла руки розовым мылом, вытерла розовым полотенчиком и вышла, питая тайную надежду, что сестрица дожидается меня снаружи. Ага, счаз.

Зато, как по заказу, и беси, и кисленькое. От вида Вениана, прогуливающегося по площадке, куда выходил коридор, у меня разом скулы свело. И главное, не обойти его никак. У меня один ориентир – звуки музыки, а побегу шарахаться в обход, придется кричать “ау” и вычислять север по цветам в кадках. Да и поздно было. Меня обнаружили.

– Мари-Энн...

От источаемой в голосе принца сладости могло слипнуться, если бы не ощущение, что в этом сиропе яду в пропорции один к одному. Еще и по имени назвал, что странно.

– Ваше высочество, – я сделала книксен, режим “светлейшая княжна дон Стерж” включился сам собой. Известно ведь, вежливость – первое оружие.

– Мы практически родственники, огонек, и мне приятнее, когда вы говорите мне “ты”, пусть ваши слова в последнюю встречу были далеки благожелательных.

Вениан шагнул навстречу, припал к руке, жаркодохнув на запястье и оказался рядом, придерживая меня за спину, будто мы с ним танцевать собрались. И руку так и не выпустил. Продолжаем движение. Главное, что вход в бальный зал уже

в прямой видимости, а там люди и Анатолий. Небось при нем не станет ничего делать, чтобы он там ни задумал.

– Я все еще помню твои губы на вкус, искорка. Твоя сестра похожа на тебя, но она лишь тень, блеклое подобие, не она должна была разделить со мной трон и корону.

– Хватит, – я попыталась отстраниться, но Вениан держал крепко, склонившись к моему лицу, едва не касаясь своей щекой моей. Его ледяная магия уже заставила меня молчать, а теперь лишала воли сопротивляться. Тошнота усилилась.

– Я выбрал тебя тогда и готов выбрать снова, – продолжал он, скользя ладонью вверх по спине, зарываясь пальцами в падающие на шею локоны. – Твоя беременность не помеха, это же не навсегда, и я не против ребенка...

– Думаю, против будет его отец, – холодно произнес спокойный женский голос. – Да и мать не в восторге. Ее того и гляди стошнит.

– Герцогиня дор Лий, – улыбнулся Вениан, медленно убрал руку с моей шеи, и отпустил пальцы. Дышать стало чуть легче, и я поспешила увеличить расстояние между нами.

Площадка оканчивалась эркером и выходом на террасу. Дверь открывалась на манер ширмы, бесшумно. Оттуда как раз вошел слуга, а перед этим, видимо, – Серафин, а я поняла, что, если сейчас не выйду на воздух, случится конфуз. Я почти бежала.

Мрамор перил охлаждал ладони, ветер приятно обдувал

покрывшийся испариной лоб. Я глубоко дышала. Мне казалось, что под кожей, там, где меня касались руки Вениана, полно паутины и пауки копошатся.

– Мари-Энн, вам не хорошо? Проводить вас? – предложила Серафин, касаясь моего плеча.

– Я сам провожу, – сказал принц, выходя на террасу следом, – а вы можете пойти позади нас, как и положено придворной даме.

Здесь были широкие окна, сквозь которые было видно бальный зал, и я смотрела туда, чтобы не смотреть на Вениана, иначе пауки внутри принимались копошиться, и снова подкатывала тошнота. Ничего, я просто больше не стану посещать эти их сборища, попрошу Анатоля отвезти меня обратно в Гнездо, к моим одноруким горничным, ремонту и единорогам.

В зал мы вернулись вместе. Я с Венианом под руку, и Серафин для приличий, вроде как я с принцем не наедине по замку пряталась. О взгляд свекрови, направленный на будущего правителя, можно было пальцы порезать.

Анатолий говорил с королем, присев на край трона наследника, и смотрелся там до того естественно, что меня отороπή взяла. Венка тоже заметил и едва зубами не скрежетал.

Первый порыв был броситься к мужу через весь зал, устроив подолом фаер-шоу. Если б он с королем не сидел, так бы и было, пришлось бросить только отчаянный взор. Анатолий тут же посмотрел, невежливо оставил короля и сде-

лал именно то, что я сама собиралась – рванул через весь зал. Юбок цвета вырвиглазной хурмы на нем не было, зато высокая плечистая фигура в черном, движущаяся навстречу с неумолимостью понедельника, смотрелась куда эпичнее. И парадное оружие – кинжал в таких же черных, как и одежда ножнах, поблескивающий камушками на рукояти – смотрелся воинственно. Я бы даже восхищенно прослезилась, если бы мне не было так дурно.

И снова это молчаливый диалог. Недолго, всего несколько фраз. И не слушаешь...

– ...не сделаешь, – раздался у меня в голове голос Вениана, – *слишком дорожишь своим драконьим.*

– Идем, – сказал Анатолий и отобрал меня у Веньки. А отвечать брату на последнее не стал. Матери только кивнул благодарно.

Мой организм решил, что с него хватит примерно на полпути к Лавандовому павильону. Благо, росло здесь всего обильно и цветисто, и фонариков в парке было достаточно, чтобы я быстро нашла, где уединиться.

– Полностью согласен, – прокомментировал Анатолий мое “буэ” и платочек протянул. – Ты в порядке? Замерзла или знобит? Ты вся ледяная.

– Теперь – да, в порядке, – сказала я, прижимаясь, – хорошо быть драконом, тепло. И никаких паутин под кожей.

Анатолий дернулся.

– Потом Венечке профиль поправишь, – добавила я, под-

няла голову и поймала мерцающий взгляд, – пойдём домой.

– Пойдём домой, – согласился Анатоль и кивнул, вроде как мне, но больше, наверное, себе. А ещё погладил по волосам и поцеловал в макушку. Ему удобно меня в макушку целовать – каланча знатная. Мы и пошли.

– Что он от тебя хотел? – спросил Анатоль.

– Меня царицей соблазняли... Короной. Вроде. Или предлагали в содержанки пойти. Я не очень поняла. Серафин появилась очень вовремя.

– На аудиенцию завтра не идем. Довольно и сегодняшнего представления, – сказал Анатоль и поиграл желваками.

– А папа твой не оскорбиться?

– Я переживу.

– А я?

– А ты... А тебе дурно стало или рожать приспичило.

– Рожать рано, – заметила я.

– А кто знает когда?

– Женька знает и Карамельке я в письме писала.

– Зря, – пожурил Анатоль. – Нет в тебе политической дальновидности.

– Куда уж нам, провинциальным барышням из Мезерера. А куда?

Вопрос был отнюдь не праздным. Анатоль продолжал углубляться в недра королевского парка, и даже мое напрочь отбитое чувство направления сигнализировало, что Лиловый павильон совсем не там. Я скребла шифонами по кустам в пол-

ном недоумении.

Наконец супруг остановился у дерева, огромного древесного монстра с таким дуплом, что в него можно войти, как в парадное. Мы и вошли. Анатоль пощелкал пальцами – в недрах дупла затлело.

– Мы тут теперь жить будем? – полюбопытствовала я, а муж принялся расстегивать камзол, чем окончательно сбил меня с толку.

Немного до

Анатоль

Король беседовал с капельку растерянной и оттого вдвойне милой Мари-Энн, а вот плотоядные взгляды, которые бросал на нее Вениан, заставляли зверя скалить зубы и гневно бить хвостом. Анатоль был с ним полностью солидарен. За то, что младший брат посчитал своим, он готов был в горло вцепиться, и Анатоль часто уступал. Но не в этот раз. Не в этом случае. Да и вообще – больше нет. Он не горел желанием снова лезть в управление страной, но отец просил, и он остался, снова принял так никем и не занятую после его отъезда должность канцлера. Слишком хлопотное дело быть вторым лицом в королевстве.

Завеса сдвинулась. Если раньше от нее до Старого гнезда было полдня верхом, то теперь можно через два часа упереться в похрустывающий барьер, похожий на замерзший, покрытый тонким слоем льда воздух. В глубине – тени и

клубящийся мрак. Тьма полна оттенков и ликов, и всякий раз приходят иные твари, как отражение чьих-то страхов или снов. И только ключ не дает барьеру рухнуть, а теням – заполнить все. В башне замка дор Лий хранятся книги со времен до завесы и книги от том времени, когда она появилась, разом захватив полмира. Почему так произошло?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.